

— Что у нас на обед?

Ван Сюань недовольно поморщился:

— Овощные колобки из кукурузных высевок.

— Эх, опять они?

— Скоро и этого не останется, — вздохнул А-Сюань. — Тогда перейдём на пустую похлёбку из отрубей с горстью колотого риса.

Ван Сюань рос мальчиком сметливым и прилежным. Почти вся стряпня в доме легла на его плечи, а Гоудань лишь помогал по мелочи на подхвате. Ли Сы с сыном готовить толком не умели: еда у них получалась разве что проваренной, но совершенно безвкусной. У А-Сюаня же к кулинарному делу обнаружился настоящий талант. Даже из самых простых продуктов у него выходило блюдо куда сытнее и аппетитнее, чем у отца Гоуданя. Может, дело было в природном даре, а может, мальчик просто изо всех сил старался казаться полезным — во всяком случае, работы он никогда не боялся и, в отличие от Гоуданя, всегда находил себе дело. Стоило ему заприметить, как деревенские женщины квасят овощи или варят соевую пасту, он тут же всё запоминал, а дома повторял, и получалось ничуть не хуже. Раньше Ли Сы на засолку всегда звал на помощь соседок, а теперь А-Сюань со всем справлялся сам.

Хоть присматривать за припасами поручили Гоуданю, на деле хозяйством заправлял Ван Сюань. Он сам решал, сколько крупы отсыпать на день, и лучше всех знал, сколько у них осталось в закромах.

— В летнюю жатву ещё куда ни шло, но во второй половине года зарядила засуха, — рассуждал Ван Сюань. — Осенью урожай точно будет скудным. Сдадим зерно государству, и на каждую семью останутся сущие крохи. Как бы к зиме и вовсе без отрубей не остаться.

Гоудань только хмурился в ответ. Против засухи не попрёшь — коли небо обделило дождями, тут уж ничего не поделаешь.

— На захапанном отцом клочке земли одни лишь бататы растут, — вздохнул он. — А как же зимние овощи?

— Станем брать с собой в школу корзинки, — предложил Ван Сюань. — На обратном пути наберём дикоросов и засушим. По чуть-чуть каждый день — к зиме глядишь и накопится запас.

Гоудань согласно кивнул и подкинул веток в печь. Кашевар из него был никудышный, но уж с огоньком-то он совладать мог. Отец теперь возвращался с поля затемно: вся деревня таскала воду ведрами, пытаясь спасти сохнувшие посевы. Домашние хлопоты и стряпня целиком легли на плечи ребят. О разносолах они не думали — лишь бы брюхо набить горячим.

Ван Сюань ловко лепил из кукурузной сечки небольшие колобки величиной с куриное яйцо и складывал их в бамбуковое сито. Взрослому такой колобок на один укус. Сам он был мал, ладошки крошечные, вот и поделки выходили крошечными, зато аккуратными. Одно огорчало — вкус у них был довольно унылый.

Вода в котле закипела. Водрузив сито с колобками над паром, Ван Сюань прикрыл его бамбуковой крышкой. Пока обед парился, он примял ножом перезревший пожелтевший огурец, достал из чана квашеную редисочную ботву, хорошенько отжал её от рассола, мелко порубил и выложил в миску — вот и вся нехитрая закуска к пресному тесту.

— Соленья у нас тоже к концу подходят, — заметил Гоудань. — Это ведь ещё те, что старая тётушка помогала квасить?

— Когда дядя вернётся из города, надо попросить его купить ещё пару глиняных чанов, — отозвался Ван Сюань. — До холодов успеем походить по лесу, собрать всё, что годится в засолку.

Мальчишки рассуждали совсем как взрослые хозяева. Пока старшие выбивались из сил на колхозных полях, они сами тянули лямку домашнего быта.

Гоудань потянул руку к миске с битыми огурцами, но тут же получил от Ван Сюаня звонкий шлепок по ладони.

— Опять кусочничаешь? Руки сперва помой!

Гоудань лишь виновато осклабился. Растущий организм требовал еды постоянно, в животе вечно урчало, но лишнему куску в доме взяться было неоткуда, так что приходилось терпеть.

— Брат Гоудань, может, сходим снова к заброшенному храму?

— А чего там делать? Настоятеля давно след простыл. Разве что за бамбуковыми побегами сходить?

— Да за чем угодно. Ты же вечно голодный ходишь, а в горах всегда найдётся чем поживиться.

Через пару дней Ли Сы помог ребятам собрать урожай фасоли, которую они посадили в междурядьях. Спелые стручки они оставили сушиться на зерно, а нежные зелёные побеги разложили на бамбуковых плетёнках, чтобы завялить на зиму. Купленные глиняные чаны чисто вымыли и выставили сушиться на солнце — в них потом будут храниться сушёные овощи.

— Брат Гоудань, давай в этот раз накопаям побольше побегов, — заговорщицки прошептал Ван Сюань, не отрываясь от работы. — Нам ведь на себе всю эту тяжесть тащить не придётся.

— Идёт, я тоже об этом думал, — согласился тот.

Для вида они возьмут с собой пару корзинок, а остальное спрячут в пространственный карман. Всё равно в лесу за ними никто не следит.

Теперь весь двор был заставлен плетёными циновками с сушащимися припасами: вяленой дикой зеленью, фасолью, побегами бамбука, горстями древесных грибов и лесных сморчков. Над домом стоял густой аромат — терпкая горечь сухих трав мешалась с сырым, прелым духом лесных грибов.

С каждым днём становилось всё холоднее. По утрам на траве поблёскивал тонкий слой инея, который быстро таял, едва солнце поднималось над горизонтом. По утрам и вечерам колот зябкий ветерок. Гоудань больше не бегал босиком и нагишом — теперь он кутался в безразмерную поношенную куртку, которая явно осталась от отца. Ему и Ван Сюаню каждое утро приходилось топать в школу, но благодаря окрепшему за лето здоровью холодов они почти не замечали.

— Как выкрою время, попрошу старую тётушку научить меня шить, — рассуждал Ван Сюань. — Тогда смогу сам чинить нашу одежду.

Ли Сы к быту относился по-крестьянски просто и сурово. Главное — чтобы на сыне было хоть какое-то тряпье, а уж изодрано оно в лохмотья или нет, греет ли в стужу — до таких тонкостей у одинокого мужика руки не доходили.

Прежде Гоудань рос как сорная трава, но обретенное наследие изменило его — разум мальчика окреп и повзрослел. Сметливость Гоуданя и аккуратность Ван Сюаня творили чудеса: советуясь друг с другом во всём, ребята потихоньку налаживали в доме порядок.

— Беда в том, что скоро ударят морозы, а тёплой одежды у нас нет, — озабоченно проговорил Гоудань. — На улицу носа не высунешь. Неужели опять всю зиму на кане греться?

Пока они были совсем маленькими, это сходило с рук, но теперь-то они выросли.

— И что делать? — растерялся Ван Сюань.

— Глупый ты, — хмыкнул Гоудань. — У нас же в пространственном кармане куча всякого добра. Надо хорошенько покопаться там, вдруг найдётся что-то путное. Распорем старые тряпки, подошьём внутрь мех или плотную ткань — вот тебе и грелка.

— У меня в тайнике только книги, склянки с пилюлями да сушёные корни, — со вздохом отозвался Ван Сюань. — Я пока даже половины названий разобрать не могу. На грядках там тоже растёт всякое — настоящий настоятель храма уверял, что это редчайшие духовные травы. Я пытался посадить туда обычную фасоль и ботву батата, но они сразу засыхали.

А-Сюань искренне об этом жалел. Как и Гоудань, он мечтал превратить это чудесное место в огород. Будь у них возможность выращивать там еду, они бы горя не знали! Но увы, пространство годилось лишь под лекарственные растения да как переносной склад. Мальчик слишком хорошо знал, что такое голод, а для голодного ребёнка нет ничего ценнее зерна.

У Гоуданя пространственный карман был совсем другим — судя по всему, прежний хозяин использовал его для хранения оружия, личных вещей и всякой всячины. Если хорошенько там покопаться, наверняка отыщется что-то применимое в хозяйстве.

— Тсс, потише ты! — зашипел Гоудань, пугливо озираясь по сторонам. Убедившись, что поблизости никого нет, он облегчённо перевёл дух.

Вскоре пришла пора осенней страды, и в школе объявили каникулы до самого конца уборки. Больше всех этому радовался Гоудань. Его дикая, вольнолюбивая натура не выносила взаперти ни минуты; не будь грамота так полезна в жизни, он бы и близко к классу не подошёл. Став старше и умнее, он научился скрывать свои мысли. Он больше не озорничал, как обычные восьмилетние сорванцы, и не дерзил взрослым по любому поводу. Соседи качали головами и хвалили парня — мол, школа пошла оболтусу на пользу. Но никто не догадывался, что Гоуданю просто стало неинтересно тратить силы на пустую болтовню с деревенскими.

Терпеть нелепые правила он так и не научился. Стоило учителям объявить о "сельскохозяйственных каникулах", как он мысленно захлопал в ладоши. Учителей, которых он так долго презирал, парень наконец-то зауважал — хоть раз в жизни эти надутые взрослые приняли толковое решение. Просиживать штаны за скучными лекциями или надрываться на школьных субботниках, где ушлые наставники использовали детский труд ради галочки в отчётах, Гоудань презирал от всей души.

— А-Сюань, может, у тебя в закромах найдётся какое-нибудь снадобье для отца? — спросил Гоудань. — Как начнётся уборка, он спины разогнуть не сможет от усталости.

— Надо поискать в старинных книгах, — призадумался Ван Сюань. — Я до целебных мазей ещё не дочитал.

— Ты скажи, чего не хватает, я мигом в горы сбегаю, наберу трав.

— Не надо. В горах мы собираем траву только для тренировки. В моём пространственном кармане лежат настоящие духовные корни, от них пользы будет куда больше. Их дяде и дадим.

Их пространственные карманы сильно отличались. У Гоуданя пространственный карман ломился от диковинных вещей — если вывалить всё наружу, получились бы две огромные кучи хлама. У Ван Сюаня же внутри раскинулся лишь небольшой аптекарский огород, большая часть которого тонула в серой, непроглядной дымке. Правда, готовых пилюль в резных флаконах там хранилось немало, но толку-то? Поди разберись, что налито в эти расписные склянки, оставшиеся от безумного культиватора. Лекарство — вещь опасная, наугад его пить

нельзя, в этом А-Сюань твёрдо следовал наставлениям покойного даоса.

— Глянь, подойдёт для дела? — выбрав день, когда отца не было дома, Гоудань запер дверь и вытряхнул из своего пространственного кармана охапку пыльных вещей: роскошные шкуры и отрезы дорогой парчи. — Отыскал в самом углу сундука. Всё в вековой пыли.

Хоть мальчишки и выросли в глухой деревне, за месяцы усердного чтения даосских свитков они изрядно расширили свой кругозор. Они уже смутно догадывались, что их волшебные побрякушки — вещи смертельно опасные для простых смертных. Да и ценность вещей они научились определять безошибочно. В одном сомневаться не приходилось: всё наследство старого безумца было чистейшим сокровищем высшей пробы.

Оставшись без присмотра старших, они выросли не по дням, а по часам. Жестокое деревенское неравенство, вечные придирки к беднякам и жуткие показательные суды-судилища приучили их держать ухо востро и помалкивать. Осторожность пустила глубокие корни в их детских душах.

Ван Сюань осторожно погладил ткань — мягкую, скользящую, словно речная гладь. Ларь снаружи покрывала вековая грязь, но внутри шёлк остался девственно чистым, играя яркими красками на свету.

— Шкуры-то знатные, греть будут на славу, — вздохнул Ван Сюань, ощупывая густой мех. — Только больно уж нарядные. В нашей глуши никто в таком не ходит. Откуда у двух нищих сирот возьмётся княжеская шуба? Нас же за спекуляцию мигом заметут.

— Значит, и эти шёлка без толку лежать будут, — уныло протянул Гоудань. Кому, как не ему, знать цену деревенской бедности. Какая польза от сокровищ богов, если в них нельзя согреться лютой зимой?

— Ну почему же без толку, — возразил А-Сюань. — Целиком шкуру носить нельзя, но если взять тёмный мех, нарезать его полосами и втихоря подшить под подкладку старых фуфаяк? Снаружи никто ничего не заметит.

— Голова! — обрадовался Гоудань. — Тогда забирай, а я ещё покопаюсь. — Он аккуратно припрятал ненужные отрезы обратно в пространственный карман. — Глянь-ка, а это часом не те самые золото-серебро да камни драгоценные, о которых в сказках поют?

— Должно быть, они, — равнодушно покосился на блестящие побрякушки Ван Сюань. — Мы-то отродясь золота не видели. Только в лавке его на еду не обменяешь, там сейчас рубли да талоны подавай. Бесполезный хлам, прячь обратно.

— И то верно. Ну что за чудак этот даос! Набрал полон сундук всякой чепухи, а простой ватной куртки не припас, — раздосадованно проворчал Гоудань.

— Наверное, мы просто ещё не доросли до этих сокровищ, — рассудительно заметил Ван Сюань. — Кто знает, что изменится со временем.

Его собственный пространственный карман постепенно расширялся по мере того, как он постигал даосскую науку и учился управляться со снадобьями.

— Твоя правда. Главное, что теперь у нас есть куда прятать припасы, не надо надрывать спину, таская тяжести. И никто никогда не найдёт! — Гоудань самодовольно ухмыльнулся. Недавно он выкопал свою заначку с деньгами и талонами, которую прятал под полом, и перенёс её в пространственный карман. Теперь сбережения были в полной безопасности. — К тому же я теперь бегаю быстрее зайца и прыгаю чуть не до крыши! — похвастался он, расправив плечи.

— Ладно, убирай свои богатства и присматривай за домом, а я пойду к старой тётушке учиться шить, — засобирился Ван Сюань.

На самом деле речь шла об обыкновенной починке и штопке — в те суровые годы никто и помыслить не мог о новых нарядах. Старая тётушка была уже в преклонных годах, но поскольку её муж, старый дядя Ли, приходился Гоуданю двоюродным дедом по младшей линии, ребята по-деревенски звали её просто тётушкой, хоть она и годилась им в бабушки.

Старушка отличалась добрым нравом и души не чаяла в Гоудане. Раньше, когда Ли Сы в одиночку тянул сына, она частенько заглядывала к ним помочь по хозяйству. То огурцы заквасит, то штаны мальцу перешьёт — Ли Сы, будучи простым мужиком, в женских делах ничего не смыслил и частенько ходил к соседке на поклон.

Трое её сыновей давно выросли, и двое старших уже обзавелись семьями. Снохи попались работящие и почтительные, так что свекрови на колхозные поля выходить больше не позволяли. Старушка коротала дни дома: прибиралась понемногу, стирала, а чаще всего усаживалась на пороге у самого солнца с плетёной корзинкой для рукоделия и штопала одежду для внучат.

— Возвращайся скорее! — крикнул ему вслед Гоудань.

— Ладно! — отозвался Ван Сюань, прижимая к груди охапку дырявого тряпья.